УДК 72.01 АРХИТЕКТУРА

И.В. Кашина

АРХИТЕКТУРА В СИТУАЦИИ МОДЕРНА: ПРОТИВОРЕЧИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ АРХИТЕКТУРНЫХ ФОРМ

Изложено раскрытие противоречий самосознания архитектуры, опирающегося на идеи конструктивизма и структурного функционализма. Отмечается замкнутый характер трудностей и неизбежность десуверенизации архитектурной теории в рефлексии архитектурного формообразования с позиций сциентизированной методологии. Подчеркивается необходимость выработки имманентного языка метаописания архитектуры.

Ключевые слова: *структурный функционализм, модерн, архиекттурная форма, язык архитектуры, метаописание, конструктивизм*

Бурная десублимированная энергетика модернистского мышления извлекла из истории архитектуры (равно как и вообще культуры) раздробленный механизированный алгоритм сочленения трех компонентов – материала производства, целей и средств. Внешнее добавление к этим составляющим мировоззрения той или иной эпохи, религиозных или светских ценностей вносило некий условный порядок и ритм в развитие архитектуры, трактовавшееся как смена стилей и доминирующих принципов, их зарождение, расцвет и увядание. Данный схематизм в целом отражает ситуацию модерна в оценках не только архитектуры, искусства, но и культуры вообще. Достаточно вспомнить, цивилизационную и культурологическую аналитику А. Дж. Тойнби, О. Шпенглера, Н. Я. Данилевского, П. Сорокина и др. авторов конца XIX – первой половины XX вв. Например, П. Сорокин прямо связывал архитектурные стили и направления с типами культуры, которые он выделял в социальной истории. Идеациональная архитектура, имеет слабое внешнее выражение, но при этом богатое внутреннее содержание и направлена на потусторонние, религиозные цели, данные в мистическом опыте. «Что касается содержания идеациональной архитектуры, то оно устремлено к трансцедентальным ценностям... Его форма пронизана символизмом» [1]. Значительная часть идеациональной архитектуры связана с сооружениями, функциональная нагрузка которых обусловлена отправлением религиозных культов, обрядов и иных закодированных в данной традиции практик обращения к трансцендентному [1]. Чувственная архитектура в большей степени выражена во внешнем созерцаемом облике и имеет светское, утилитарное назначение [1]. Примером лучшего образца идеациональной архитектуры Сорокин считает храм Софийский собор в Константинополе (Собор Святой Софии – Премудрости Божией), отличающийся своим неповторимым внутренним содержанием. Также к образцам идеальной архитектуры он относит Парфенон V в. до н.э. и средневековую западноевропейскую готику. Образцы чувственной визуальной архитектуры – это сооружения барокко, рококо и модерна. Современное строительство небоскребов из стекла и бетона также находится в рамках визуальной архитектуры, так как стремление к сооружению самых высоких и больших зданий направлено на овладение созерцающим восприятием массового зрителя.

Более ценным для архитектурологии представляется подход О. Шпенглера. Он предложил рассматривать каждый архитектурный стиль как выражение *души* соответствующей культуры

(египетской, арабской, западноевропейской, китайской и т. д.). «Было бы ошибкой различать чистые фазы стиля, вроде романтики, готики, барокко, рококо, ампира в качестве самостоятельных стилей и приравнивать их к единствам совершенно иного порядка, вроде египетского, китайского или, даже “доисторического” стиля. Готика и барокко – это юность и старость одной и той же совокупности форм: зреющий и созревший стиль Запада» [2]. Да, действительно, барокко никак нельзя рассматривать как некий стиль архитектуры, рядоположный, например «индийскому». Но вместе с тем немецкий мыслитель фактически полностью лишает архитектуру (равно как и любое другое искусство) собственной логики развития и смыслоонтологической центрации. Для него архитектура как феномен культуры исчерпывается архитектоническим содержанием, эволюция которого постепенно приходит к упадку и перерастает в «игру» форм. Наиболее архитектонична культура Древнего Египта. И она же наиболее бедна архитектурными формами. Содержание мира, конституируемого последними, в анализе Шпенглера остается на стороне, противоположной периоду и существенному содержанию расцвета души той или иной культуры. Такая сравнительная «биография» искусств и стилей фактически лишает их качеств аффирмативности, самодостаточности. К примеру, Версаль Шпенглер называет «маленьким» и «слишком человечным» в сравнении с пирамидами. Что прямо свидетельствует о сокрытости *победы* над пространством и временем в барокко от такого взгляда, который трансцендирующее усилие всякой культуры, исторической «народной» души оценивает только по основанию продуцирования всецело пространственных форм (если говорить об архитектуре), довлеющих в силу своей абстрактности и отсутствия внутреннего различия своей несжимаемостью над сознанием. Отступление в тени пирамид страха времени свидетельствует вовсе не об утверждении «Я» в его духовной тотальности и исключительности. Монументальная архитектоника столбит (причем, в прямом смысле этого слова) путь некоего универсального космического порядка, в котором жизнь как таковая сильнее смерти и разрушения. Размер и формы пирамид в отличие от сооружений более поздних эпох (не обязательно даже барокко, можно остановиться на классическом греческом ордере или римской архитектуре) фиксируют некую *предданность* пространства человеческому опыту и мышлению. Путь этот, несомненно, также архетипичен и кодирует в себе первичный «генетический» материал цивилизации. Однако было бы явным заблуждением сводить суть и смыслы архитектуры и вообще культурного опыта к подобной субструктивности. Именуемая Шпенглером наиболее «архитектурной» культура Древнего Египта на самом деле была наиболее абстрактной формой человеческого присутствия в мире. И дело тут вовсе не в пропорциях и степени их человекоразмерности. Не только египетский, а вообще любой древний мегалитический памятник (к примеру, Баальбек) никак не разламывает пространство, не полагает его *меру*. Наоборот, словно намагничивает его огромные массы вокруг отсутствующей внутренней «точки» схода *этого* места и *Иного*. Можно ли при этом назвать архитектурной формой простую проекцию в трех измерениях треугольника или квадрата? Такой на самом деле еще праархитектурный текст не может также еще определить и канон своего *мета*описания, которое было бы свободным от голого математического расчета или чистого мифического повествования. Не удивительно поэтому, что архитектурная архаика столь привлекательна для ученых XX в. Для конструктивизма новейшего времени отсутствующий имманентный текст пирамиды есть величайшее достоинство, позволяющее сколько угодно долго предаваться наслаждению в созерцании монументальной конструкции, ее первичной силы и энергии.

Кроме того, модерн знаменовался очень сильным и стойким идеологическим всплеском концептуализации самой социальной реальности, желанием «изменить сам мир» (К. Маркс). Пожалуй, в первую очередь именно в архитектуре как видимой стороне жизни человека, как его *налично* данном и материально фиксированном опыте модерн и находил ответ на вопрос о том, *как* должен выглядеть мир человека, освободившегося от метафизического плена, символизации трансцендирующих моментов культуры и иерархизированных общественных структур и вооружившегося экспериментально получаемыми знаниями природного естества. Именно по этой глубинной причине «новая» архитектура и должна была соответствовать требованиям машинизированной технизированной «эстетики». В свою очередь постмодерн ниспровергает вообще всякие конструкции. Как ментальные, ценностные, так и социально-культурные. Возникает понимание не только «заката Европы» (О. Шпенглер), «смерти автора» (Р. Барт), «конца социального» (Ж. Бодрийяр), но и «смерти архитектуры» (Ч. Дженкс) [3]. Несомненно, что все эти констатации находятся в одном ряду и разрушают любые основания под попытками выстроить новый виток или ступень эволюции архитектуры, просто преемственный модерну или тем более классике.

В этой связи следует поставить вопрос, коннотативный резонанс которого мало замечаем самими современными практикующими архитекторами, но принципиально важный для теории архитектуры в плане ее самоопределения. А не оказалась ли в ловушке модерна современная архитектурная мысль? В своей претензии на научный статус и желании иметь строго очерченное предметное поле и методологический арсенал архитектура с неизбежностью пусть даже и в критическом ракурсе пошла по пути, проторенном как раз в эпоху конструктивизма и освоения «новых» форм. Необходимо отметить, что, во-первых, какой-то иной альтернативы на момент становления собственной дисциплинарной идентичности у архитектуры просто не было и, во-вторых, в аналогичной ситуации оказалась рефлексивная мысль современности вообще как попытка осознать и «перевести» на дешифрованный десублимированный язык богатейшее содержание многовекового развития духовной культуры общества (искусства в целом, поэтики, религии и мифологии, эзотерики, философии). Научно-технологический прогресс западного социума (и вовлеченных в орбиту его влияния регионов) сам задал русло поиска. Жизнь, устроенная по схематике *объективированной* рациональности, весь массив созданного человеческой культурой «материала» размещает в сектор средств и инструментов. В центре оказывается человек. С одной стороны, это вполне понятно и ожидаемо. Отвечает еще общим возрожденческим принципам гуманизма. Но с другой, такой антропоцентризм ставит под сомнение ценность и вообще значимость *всеобщего* как чистой формы (фигуры) коллективного деятельностного сопряжения множества индивидов. Формообразования культуры как раз и выражали предметно степень и *меру различия* или конкретизации индивидуальности в этой «ссылке» на обезличенное или трансцендентное начало. Другими словами, рождение субъективности. Если это различие было конституировано чисто символически, духовно, то в ситуации модерна этот пласт культуры оказался переведенным на язык знаниевых структур. А процесс становления личности стал трактоваться как образующееся ступенчатое восхождение. В архитектуре как процессе и продукте, связанном с материальными носителями, это проявилось в том, что когда в эпоху «строительства» новой жизни, свободной от традиционных скреп, потребовался некий исходный текст, то есть история архитектуры как суммы направлений, стилей, то он был считан как такое же подобное поэтапно *образующееся* техничное единство конкретного материала и приемов работы с ним. Предмет архитектуры при таком погружении в функциональные зависимости

опыта был вычленен достаточно абстрактно. А именно: совокупность понятий, составляющих на сегодняшний день аппарат теории архитектуры (архитектурная форма, композиция, стиль, ордер и пр.) стали рассматриваться как некий инвариантный метанарратив, обусловливающий «вхождение» в предметное поле любой реальности, отвечающей фактически одному единственному критерию. Кстати, именно по его основанию Ле Корбюзье и определил *начало* истории архитектуры – появление у человека элементарной потребности в крове [4]. Именно в этом лежит корень конструктивизма и функционализма, ярким представителем которого и был Ле Корбюзье. Хотя, в то же время мы знаем, что тектонизм как первичный и фундаментальный признак архитектуры вовсе не связан с удовлетворением потребности в жилье. На первом месте здесь система культовых практик и обрядовых действ.

Другими словами, если подвести общий знаменатель отмеченных проблемных моментов, то получается следующая картина. Процесс самосознания архитектурной реальности оказался в ситуации модерна отторгнутым от телоса самой архитектуры как исторически развивавшегося феномена. Отождествление предмета и языка его описания как первое и ключевое условие всякой науки вообще произошло в архитектуре (как и в других областях культуры и творчества) в тот период, когда имманентные самой архитектуре коды оказались вытесненными формально-рационализированным знанием. С одной стороны, модерн дал жизнь архитектуре как теоретической дисциплине, с другой, переподчинив ее собственное содержание формализованным структурам, лишил возможности самоопределения не только ретроспективно (по отношению к историческому материалу), но и в оценках будущего развития.

Для любой современной научной дисциплины и, тем более, междисциплинарных штудий, ценность и значимость нового познавательного проекта всегда определяется степенью конвертируемости полученных результатов в конкретные осязаемые субстраты то ли будущего производства, то ли уже готового продукта потребления. Рубеж третьего тысячелетия дал четкий импульс всему научному сообществу в понимании однозначной и необратимой вовлеченности институтов науки (как технических, так и гуманитарных) в процессы рыночного экономического обмена. Не случайно сегодня и говорится об обществе постэкономическом или информационном. В нем сама информация есть главный капитал, в который инвестируют и который приносит солидные дивиденды. Научное знание кодируется по основанию полезности. Причем одним из ключевых критериев таковой выступает возможность перевода «текста» знания на язык цифры, единственно впитываемый потоками глобализирующегося рынка, самого общества, массовой культуры, пригодный к собственной дегерметизации, имплозии и разложению по «рубрикам». Практически важное и полезное должно быть также легко считываемо и быстро потребляемо. Это условие для современного агента коммуникации и обмена в высшей степени важно. Строго говоря, калькуляция информации исключает необходимость индивидуализирующей адресации в трансляционных процессах, что само собой составляет одно из основных отличий постсовременности, массовой стандартизированной жизни и мышления. А потому заявление предлагаемого сюжета неизбежно сталкивается с неумолимым прессом критики и оценок.

Архитектура как специфическое пространство аналитики и теоретического синтезирования начиная с XIX столетия, с того времени, как она дифференцировалась в более или менее автономную область познания и проектирования, стала идентифицируемым видом коллективной социальной деятельности, а не просто искусства и творчества, входит в сонмище дискурсивно представленных

научных дисциплин. В минувшем веке, особенно после Второй Мировой Войны, сформировался определенный социальный заказ и некое «общественное мнение», ожидание результатов архитектурной деятельности и рефлексии для восполнения жизненного пространства, опустошенного кризисами, конфликтами и деконструкциями традиционных культурных форм, норм и предметностей классического сакрализованного бытового и коммуникативного канона. Любое новаторство в архитектурологической мысли, прежде всего, рассматривалось с точки зрения выработки новых «правил» и технико-технологических приемов строительства и создания качественно новой жизненной среды, нового культурного пространства (например, мегаполисного, полиэтнического и конфликтогенного). В нем оказались легитимными структуры повседневности и соображения массового комфорта. Жизненное пространство человека и целых социальных групп стало трактоваться исключительно буквалистски. Соответственно, и образы, создаваемые на основе механизмов и средств массового строительства, также получили статус рождаемых в потоке *непосредственного* ощущения, каждодневного переживания и импульсно-хаотического структурирования. Опосредованно это стало одним из аргументов так называемой «феноменологической» концепции архитетурального конструирования, которую ряд отечественных авторов вычленяет как самостоятельную. Архитектурное сооружение-это далеко не только некий образ мира природного или человеческого.

Сложившийся устойчивый образ архитектуры как продуцирования предметного измерения социальных фигур и конфигураций и как проектировочной мысли во многом рассогласован с тем местом, которое дисциплинарно и институционально она занимает. Явная недостаточность артикулированности внутренних резервов, в том числе методологических и телеологических, с одной стороны, и известная «контекстуальность» архитектуры и чаще всего используемого в ее рамках дискурса по отношению к существующим сегодня основным трендам развития научной рациональности и картины реальности, с другой, приводят к тому, что скорее по инерции и в угоду сиюминутным запросам архитектура как теория и как проектное мышление оказалась в тисках тех тупиков сциентизма, которые на данный момент знаменуют собой в целом ситуацию человеческой культуры и мысли. Победы разума отнюдь не делают человека столь счастливым, как о том мечтали мыслители Нового Времени, отводившие именно науке как познанию и способу организации общественной жизни ведущую роль в разработке платформы гармоничного бытия человека и природы. Ф. Бэкон, Г. Галилей, Р. Декарт, Т. Гоббс, Дж. Локк, И. Ньютон и другие авторы отводили именно научному познанию, основанному на индукции и дедукции (эмпиризм и рассудочный рационализм), ключевую роль в создании прочного фундамента человеческого общежития. О коллизиях нововременной мысли мы еще будет вести речь в дальнейшем в ходе исследования трансформаций архитектурной формы в классическую эпоху.

Требования выработки новой морфологии человеческого общежития, качественно отличной от модернистских и даже (теперь уже) постмодернистских линий расшифровки и перекодирования пространственно-временного измерения человеческого бытия возлагают на архитектуру бремя колоссальной ответственности и непосильной тяжести. Пока же очевидным остается факт, что никаких результатов, видимых новых очертаний, принципиально иных силуэтов антропоразмерного тела, нет. Отчасти забегая вперёд, можно сказать, что на данном этапе своего исторического развития архитектура как часть общего культурного континиума человечества (прежде всего, западной

цивилизации и причастных к ее круговороту обществ и традиций) утратила (или исчерпала) свой некий внутренний сегмент самообоснования, самоутверждения и роста.

Современные проекты и системы строительства главным образом детерминированы стремлением максимально воплотить идеал научно переустроенного социального организма. Одним из подтверждений чего является пример так называемой экоархитектуры. Как известно, на сегодняшний день экологическое строительство является самой модной и востребованной на рынке тенденцией развития архитектуры. Так называемая «зеленая архитектура» ориентирована на сохранение природных ресурсов, ландшафтов, биосистем и самого человека как участника единого циклического процесса обмена с окружающей средой. Сегодня активно обсуждаются возможности применения новейших строительных материалов, которые абсолютно безвредны для окружения и здоровья человека. Продумываются новые принципы коммуникационного и инфраструктурного обеспечения таких экологически «чистых» домов и даже, в перспективе, целых городов. Так называемый «эко-хайтек», с одной стороны, опирается на достижения научных разработок в области автоматики жилого дома («умного» дома), безотходности его функционирования (замкнутые циклы ресурсопотребления) и т. д., с другой, на первое место ставит значение и смыслы сращения экосооружения с естественными формами и структурами (принципы бионики). Несмотря на стремление преодолеть узость сциентизма, выраженного в цивилизационном прогрессизме и его производных (экологический кризис и истощение ресурсов планеты), проекты так называемой экоархитектуры всецело остаются в пределах общего для позитивистской *конструкционистской* установки мировоззренческого круга.

Именно эта тенденция очень рельефно обозначает проблему сущностного вакуума, как в предметной плоскости развертывания архитектурных форм, так и в плане их интерпретации и прогнозирования динамики во времени. Иными словами, корпус фундаментальных понятий, к числу которых и относится «архитектурная форма», вычленяется из генетически родной и исторически уже отслоившейся культурной матричной среды и рассматривается просто как некая необходимая *априорная система отсчета*, начало координат. При этом выстраивание новой концептуальной структуры чаще всего остается на уровне механического расширения, прибавления к указанным узловым моментам складывающихся по большей части стихийно или институционально (как было в закрытых обществах авторитарного типа в XX столетии) контуров механизма самовоспроизводства архитектурной реальности «среднего» уровня. На этом уровне интегрируются теоретическая составляющая и методы практического воплощения архитектурных замыслов.

В этой связи также необходимо отметить следующее очень важное обстоятельство. Если для современного типичного и достаточно стандартизированного *потребления* архитектурного «продукта» в принципе не существует каких-то особых затруднений в поиске и выборе той или иной стратегии идентификации форм и функциональной нагрузки, то для теории архитектуры подобная «свобода» и изобилие не есть признак корневого внутреннего динамизма и прогрессивного движения. Количественный рост проектов, создаваемых с помощью современных информационных технологий, «образов» городской символики и семантики, сам по себе даже исключает необходимость «вчитывания» в тексты той же новой морфологии (не говоря о более глубоких пластах), их дешифрации и адаптации в контекстах инокультурных сред и традиций.

Для современной рефлексивной составляющей архитектуры это важно в том отношении, что видимо необходимо кардинально переосмыслить и отграничить постсовременный наплыв веяний,

предложений и методов моделирования не просто от классического наследия в плане его методологии, принципов и телеологических установок (что всегда можно делать лишь формально), но и от интервенций в глубь архитектурной теории со стороны смежных научных дисциплин и вообще новоявленных дискурсивных полей. Иначе, не побоимся этого утверждения, понимание «конца» классической культуры должно будет с необходимостью отнесено к архитектуре также. Подразумевая под последней не только и даже не столько известную классическую ордерную систему и сумму выработанных механизмов реализации идеальных «форм», сколько более фундаментальный срез. А именно: архитектура и архитектурная форма соответственно как *форма самосознания* самой культурной традиции, как феномен определенной цивилизационно-исторической линии, градуированной по времени и по топологии. Представляется, что рубежный радикальный характер происходящих ныне изменений в обществе и самом мышлении человека не только не противоречит такой установке, но более того, сам в ней нуждается.

Ի.Վ. Կաշինա

ՃԱՐՏԱՐԱՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆԸ ՄՈԴԵՌՆԻ ԻՐԱՎԻՃԱԿՈՒՄ՝ ՃԱՐՏԱՐԱՊԵՏԱԿԱՆ ՁԵՎԵՐԻ ՏԵՍԱԿԱՆ ԱՆԴՐԱԴԱՐՁՄԱՆ ՀԱԿԱՍՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

Շարադրված է ճարտարապետության ինքնագիտակցության հակասությունների բացահայտումը, որը հենվում է կոնստրուկտիվիզմի և կառուցվածքային ֆունկցիոնալիզմի գաղափարների վրա: Նշվում է դժվարությունների պարփակված բնույթը և ճարտարապետական տեսության կախվածության անխուսափելիությունը ճարտարապետական ձևակազմության անդրադարձման մեջ՝ ելնելով սցիենտիզացված մեթոդաբանության դիրքերից: Ընգծվում է ճարտարապետության մետանկարագրության իմմանենտ լեզվի մշակման անհրաժեշտությունը:

Առանցքային բառեր. *կառուցվածքային ֆունկցիոնալիզմ, մոդերն, ճարտարապետական ձև, ճարտարապտության լեզու, մետանկարագրություն, կոնստրուկտիվիզմ*

I. V. Kashina

ARCHITECTURE IN THE MODERN SITUATION: CONFLICTS OF THEORETICAL REFLECTION OF ARCHITECTURAL FORMS

The self-contradictions of architecture based on the ideas of constructivism and structural functionalism are presented. The closed nature of difficulties and inevitable loss of architectural theory in a reflection of the architectural morphogenesis from the standpoint of scientific methodology are marked. The need for the immanent language metadescription of architecture is stressed.

Keywords: *structural functionalism, modern, architectural form, language of architecture, meta-description, constructionism*

Литература

1. **Сорокин П. А.** Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вступит. статья и комментарии В.В. Сапов. – М.: Астрель, 2006 – 1176 с.
2. **Шпенглер О.** Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. - М.: Мысль, 1998. – 663 с.
3. **Дженкс Ч.** Язык архитектуры постмодернизма / Пер. с англ. А. В. Рябушина, М. В. Уваровой; под ред А. В. Рябушина, В. Л. Хайта. – М.: Стройиздат, 1985. – 136 с.
4. **Ле Корбюзье.** Архитектура XX века. – М.: Прогресс, 1977. – 305 с.

Կաշինա Իրինա Վլադիմիրի, տ.գ.թ., դոց. *(ՌԴ, Ռոստով) - Ռոստովի պետական շինարարական համալսարան, ճարտարապետության և շինարարության ամբիոնի վարիչ, (863) 201-94-76, 8-918-55-769-72, akbcf@rambler.ru, lisa.858@yandex.ru:*

Кашина Ирина Владимировна, к.т.н., доц. *(РФ, Ростов) - Ростовский государственный строительный университет, кафедра Архитеткуты и градостроительства, зав. каф. (863) 201-94-76, 8-918-55-769-72, akbcf@rambler.ru, lisa.858@yandex.ru.*

Kashina Irina Vladimir, doctor of Philosophy (Ph.D) in engineering, associate prof. *(RF, Rostov) - Rostov State Civil Engineering University, chief of architecture and town development department, (863) 201-94-76, 8-918-55-769-72, akbcf@rambler.ru, lisa.858@yandex.ru,.*

Ներկայացվել է՝ 22.01.2015

Ընդունվել է տպագրության՝ 05.02.2015